

Многие годы исследованиями в области византийского искусства занимался крупнейший советский искусствовед покойный Л. А. Мацулевич. В 1959 г. была опубликована его работа, касающаяся изучения византийских войсковых знаков. Предметом исследования Л. А. Мацулевича послужила серебряная статуэтка орла, обвитого змеей, найденная в Нескребовском городище близ Днепростроя в 1930 г. Она входила в состав комплекса предметов, которые автор определил как снаряжение воинского отряда на рубеже VII—VIII вв. Сама фигурка, судя по клеймам и стилистическим данным, была изготовлена на рубеже IV—V вв. в районе Подунавья и служила воинским знаменем. В VII или на рубеже VII—VIII вв. она была использована вторично: в это время была вырезана монограмма Петра³³¹.

Л. А. Мацулевич принимал деятельное участие в изучении материалов раскопок древнего Питиунта (совр. Пицунда в Грузии). Им, в частности, исследованы остатки древних мозаичных полов в питиунтской базилике, которые он датирует IV и V вв.³³² На сессии по проблемам византиноведения в Ленинграде в ноябре 1958 г. Л. А. Мацулевич прочитал доклад «Мозаики Бир аль-Кута и Пицунды». Анализируя результаты последних раскопок, он датировал мозаики обоих памятников V веком и пришел к выводу о наличии художественных связей Грузии со Средиземноморьем в IV—V вв.³³³

Советские историки византийской архитектуры одной из своих важнейших задач ставили изучение исторических связей византийской архитектуры и архитектуры славянских народов. Проблема взаимоотношения архитектуры восточных и южных славян и Византии ставится в работе Р. А. Кацнельсон³³⁴. В центре внимания автора находится вопрос об архитектурном типе храма с трехлопастным завершением фасадов, распространенном у восточных и южных славян XII—XIV вв. Автор исходит из положения, что в основу каменного культового зодчества в Древнерусском государстве был положен византийский крестовокупольный тип храма. Однако русские зодчие, в соответствии с местными художественными вкусами и потребностями, а также архитектурными традициями деревянного зодчества, создали новый художественный облик храма, видоизменив его план и конструктивную систему. Для русского храма рассматриваемого периода характерно трехлопастное завершение фасадов, которому соответствует специфическое сочетание сводов. Процесс переработки византийских архитектурных форм происходил и в архитектуре южных славян — в Болгарии, Сербии, Далмации, где он имел свои особенности. Деревянные постройки оказывали на развитие каменной архитектуры у южных славян меньшее влияние, чем на русскую каменную архитектуру. Архитектура южных славян в большей степени формировалась под влиянием античных памятников и ранневизантийских каменных сооружений. Южные славяне сами непосредственно участвовали в формировании византийского зодчества. Народные традиции искусства южных славян (во многом сходные с традициями восточных славян) определили в их архитектуре ряд черт, сближающих зодчество восточных и южных славян. На основании изучения южнославянских архитектурных памятников автор приходит к предварительному выводу, что трехлопастное завершение фасадов, характерное

³³¹ Л. А. Мацулевич. Войсковой знак V в. ВВ, XVI, 1959, стр. 183—205.

³³² Л. А. Мацулевич. Открытие мозаичного пола в древнем Питиунте. ВДИ, 1956, № 4, стр. 146—153.

³³³ Ср. Л. А. Мацулевич. *Bir el-Qutt*. Историко-художественное значение мозаики. Юбилейный сборник в честь академика В. В. Струве. М., 1959, стр. 312—318.

³³⁴ Р. А. Кацнельсон. К вопросу о взаимоотношениях архитектуры восточных и южных славян и Византии. ВВ, XII, стр. 242—262.